

УДК 303.686

**«Это были люди совсем иные»:
эвакуированные ленинградцы в коллективной памяти
Новосибирска (устные источники)**

Е. В. Антропов

Музей города Новосибирска, г. Новосибирск

На основе источников устного происхождения исследуется историческая память старожилов Новосибирска об эвакуированных жителях европейской части России во время Великой Отечественной войны, обозначаются перспективы использования устных источников в исследованиях исторических процессов и явлений на локальном уровне, вводится новый материал устного происхождения.

Ключевые слова: эвакуация, население, ленинградцы, культура, старожилы, память, повседневность, город.

Эвакуация жителей европейской части России во время Великой Отечественной войны относится к одному из важнейших явлений в истории Новосибирска, ставшего крупнейшим центром оборонной промышленности. Массовая эвакуация, депортация и размещение производств коренным образом повлияли на социальные и демографические процессы в городе. Население Новосибирска существенно увеличилось, уплотнилась застройка, городская экономика перешла в индустриальную сферу.

Эвакуация является важным ресурсом исследования вопросов динамики городской памяти, а значит профильным предметом для устной истории. В рамках этой темы можно обозначить обширное исследовательское поле, остающееся за пределами интереса экономической и социальной истории. Это такие сюжеты повседневности и локальной истории, как город военных лет и повседневная жизнь эвакуированных, особенности системы расселения, адаптация и взаимоотношения эвакуированного населения и местных жителей, вклад в индустриальную и культурную сферы жизни города и т. д.

Эти сюжеты имеют большое значение для объяснения современных процессов актуализации коллективной городской памяти, потребности в осмыслении городского пространства как среды обитания, имеющей собственные историко-культурные традиции. Такой подход имеет особую практическую ценность в связи с преодолением восприятия Новосибирска как города без прошлого, поисками исторической идентичности. Задача данного сообщения – обозначить перспективы использования источников устного происхождения в исследованиях исторических процессов и явлений на локальном, городском уровне на примере воспоминаний новосибирцев об эвакуирован-

ных жителей европейской части России во время войны, в частности об эвакуированных ленинградцах.

Эвакуация кардинально изменила город. В первый год войны здесь были размещены более 50 крупных промышленных предприятий из европейской части страны. Под размещение только производственных мощностей эвакуированных предприятий в городе было выделено более 150 зданий и помещений, не соответствовавших промышленному назначению: корпуса вузов, техникумов, домов культуры, трамвайных депо, гаражей и т. д. [1, с. 115].

Местные жители в обиходе называли прибывших из разных городов (Москвы, Тулы, Полтавы, Одессы, Киева, Брянска, Ростова-на-Дону, Харькова и др.), в том числе и из Ленинграда, просто «эвакуированными». Однако нужно отметить две важные детали. Во-первых, прибывшие из Ленинграда и Ленинградской области оказались в Новосибирске в большинстве – до 100 тыс. человек. Всего по данным на 1 июля 1943 г. в Новосибирскую область эвакуировалось более 301 тыс. человек [4, с. 483]. Во-вторых, из северной столицы прибыли участники крупнейших и известнейших в стране музейных, филармонических и театральных коллективов.

В 1941 г. в клубе им. Сталина (современное здание дома культуры имени Октябрьской революции, в обиходе «Кобра») разместилась Ленинградская филармония, сердце которой составлял один из ведущих симфонических оркестров мира под руководством дирижера Е. А. Мравинского и художественного руководителя И. И. Соллертинского. В 1942 г. здесь прозвучала сибирская премьера Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в присутствии автора. Кроме коллектива филармонии прибыли преподаватели консерваторий, музыкальных училищ и школ, артисты филармоний, радиокомитетов и театров из Одессы, Киева, Минска, Харькова, Винницы, Ленинграда, Москвы, Рязани, Саратова и других городов [3, с. 121]. Напротив «Кобры» через улицу Ленина, бывшую Кузнецкую, в здании старого коммерческого собрания, где с 1943 г. разместилась труппа одесского драматического театра «Красный факел», в эвакуации квартировал старейший в России Ленинградский драматический театр им. А. С. Пушкина.

Но и рядовые рабочие заводов и фабрик Ленинграда были обладателями несоизмеримо большего опыта городского образа жизни и норм поведения. Значительную часть ленинградцев представляли потомственные питерские рабочие семьи, квалифицированные рабочие, инженеры и техники. *«Вот, старый кинотеатр Маяковского примечателен для меня тем, что в первый день объявления войны дядька, брат матери, купил билеты – ну не знали, что война, билетам не пропадать, и мы ходили 22 июня в этот кинотеатр. [...] А в этом кинотеатре... чем было интересно ходить? Тем, что играет джаз в фойе, непременно живая музыка. А кто играет? Да Коля Синцев. А кто такой Коля Синцев? Да Коля Синцев мастер с завода Чкалова, но той части, которая эвакуировалась из Питера, и джаз его весь – из питерских ребят. Они оттуда приехали, и что там Эдди Рознер или Утесов – они приедут и уедут, а тут Коля Синцев лабает каждый вечер. Да еще приятельница наша Маргарита Мережко, солистка, а потом она сменила фамилию, и стала*

Маргарита Грозная. Значит, она поет, Коля нам контрамарки обеспечивает – денег-то – фюйть. И потом – попробуй достать билеты в кино. И мы отираемся то здесь, то в Победе. Но Победой она еще не звалась, это был Пролеткино в начале, потом Октябрь» [8].

Для понимания феномена невыразимого восхищения ленинградскими деятелями культуры и их роли в формировании исторической памяти города необходима краткая характеристика его социально-демографической структуры 1930-х гг. В истории формирования регионального сообщества 1930-е гг. были отмечены форсированной индустриализацией, насильственной коллективизацией и массовыми репрессиями. Транзитный Новосибирск уже в 1930-е гг. был настолько большим и неблагоустроенным и имел настолько нестабильную социальную структуру на фоне масштабных миграционных процессов, что переселенцам с «неудобным» прошлым, национальной или сословной принадлежностью, так называемым нездоровым элементам, здесь всегда можно было найти работу, затеряться или раствориться.

Поэтому при общей тенденции выталкивания представителей бывшего мещанства и служащих из большого города в Новосибирск перебирались семьи и целые группы жителей из больших городов. *«Новосибирск прирастал репрессированными людьми, которых лишали гражданских прав, и они были вынуждены уехать в другой город [...]. Таким образом мои предки покинули Хабаровск в 1933 г. [...]. В то время многие хабаровские семьи мещанского сословия были высланы из родного города. В том числе три сестры мужа бабушки, они были врачами-стоматологами, брат мужа – священник отец Игнатий, уехавший в Киров, где в 1937 г. был расстрелян.... В Новосибирск в то время приехало несколько семей из Хабаровска. Вообще, в это время (30-е гг.) очень много переселенцев было из Хабаровска, я знаю более 10 семей. По-видимому, сообщая друг другу, что город принимает их, и бабушкино семейство с ближайшими родственниками, и отец с мамой и детьми приехали в Новосибирск. Был куплен маленький домишко на самом дне оврага в пойме реки Каменки, о которой сейчас одни воспоминания. А в этой речке мы детьми и купались, и рыбачили сачками» [13].*

Интенсивная урбанизация усиливала прирост населения за счет сельского населения Новосибирского округа. *«Привезли меня в город, когда коллективизация началась. Тогучинский район, село Юрты. Вот оттуда, в 30-м году, когда вот эта котовасия началась, отцу – он, ну, неграмотный был – напел староста, это мне мать рассказывала, церковный какой-то, что здесь будет черт-те знает что, что надо отсюда бежать. А мудрый дед, Максим Александрович, говорил: “Ну куда ты бежишь? Сиди, и живи”. Нееет, его с панталыку сбыли. А большинство кемеровских приехали. А потом мать мне и говорит: “Классического земледельца, у которого все село училось работать с землей, оторвали от земли, в город попал. А в городе кем стал?”. Вот так я очутился в городе» [11].*

В воспоминаниях одного из эвакуированных ленинградцев остался характерный сюжет взаимодействия некоторых норм словоупотребления в повседневном быту. *«Общение сибиряков и ленинградцев немножко, конечно,*

отличалось. [...] разговор был разный, не все выражения мы могли понять. Например, выражение “простая кастрюля” – почему “простая”? Оказывается, это означало “пустая” кастрюля! Меня это не удивляло, так как нашего брата было уже много в Новосибирске, и они стали приспособливаться к нам» [9]. По предположениям некоторых старожилов, ленинградские языковые уроки привели к устойчивому бытованию таких слов, как «поребрик» в обозначении бордюрного камня ограждения или «булка» в обозначении белого формового хлеба.

В городах в 1930-х гг. прошли чистки, значительно обновившие их население. Избежавшие заключения, депортации или расстрела представители тех сословий, которые до Гражданской войны назывались мещанами и служащими, людьми с высоким образовательным цензом и социальным капиталом, выселялись из городов насильственно или вынужденно. «А дело-то в общем просто с годами открывается в чем? А в том, что Новосибирск до войны – это, все-таки провинциальный город, хотя, все-таки Западно-Сибирский край. Город, в котором от силы 400 тыс., город, в котором нас, пацанов, часто спрашивали: “Мальчик, а где эта улица”? Вот... было такое замкнутое пространство. И еще перед войной из него, из этого пространства, значит, режим Иосифа Виссарионовича начал выдергивать, выбывать лучших людей из живущих. И к началу войны, ну, как сегодня говорят, реноме Новосибирска было уже скукожено.

[...] Да, надо сказать честно, мы не очень были воспитаны на классической музыке. Когда началась война, в Новосибирск хлынули люди эвакуированные, как сегодня говорят, люди совсем другого менталитета, в основном ленинградцы. А в довоенном Новосибирске гастролеры были какие-то серьезные. Наряду с этими гастролерами у нас особой популярностью пользовался оркестр легкой музыки под управлением Конушевицкого, который ассоциировался с начавшими выходить американскими фильмами» [8].

«Местные» и «эвакуированные» жили бок о бок в буквальном смысле этого слова – с приездом эвакуированных на каждого жителя города приходилось менее 2 кв. м жилплощади [4, с. 484]. «Сначала нас поселили в Дом Культуры в Ельцовке, где мы сложили свои пожитки. Еще перед нашим приездом приехал эшелон с рабочими, их расселили в каменные дома. И когда мы, специалисты, приехали – мест уже не оказалось, оставалось только несколько квартир для начальства. Остальным выдали ордера на уплотнение, у меня их было четыре. Я проходил по трем адресам, жить там было невозможно: маленькая комната, где-то шесть метров, детей полно. В общем, все три комнаты мне не подошли, у меня появились мысли, не отрыть ли мне землянку? Но четвертый адрес оказался подходящим, на улице Достоевского стояла избушка. Хозяйка жила в городе, а половину избушки сдавала под складское помещение, где также жил кладовщик с женой, а другую половину отдали мне. Комната была метров двенадцать, там стояла русская печь, шкаф и стол» [9].

Размещение эвакуированных в домах и квартирах горожан, отличающиеся от местных образцы поведения и привычного образа жизни, изменив-

шиеся нормы культурного потребления в связи с возможностью посещать эвакуированные учреждения культуры – эти сюжеты стали важной темой в новосибирской устной традиции. *«...Когда началась война, то, естественно, приехало очень много ленинградцев, надо было их где-то размещать. Мы жили в коммунальной квартире, у нас было две смежных комнаты. В соседней комнате жила семья председателя Союза художников Мочалова с двумя мальчиками. Я хочу сказать, как только приехали эвакуированные жители, то, естественно, мы сразу же предоставили им одну комнату. И жили они за занавеской. Вы знаете, что меня тогда уже поразило, так это высокая культура общения между ними, может быть, у нас было немножко не так...»* [12].

«Когда эвакуированных ленинградцев по квартирам расселяли, к нам девушку поселили – Зину... У моей тетки и дяди жила семья из Ленинграда – мать и две дочери. Они тоже работали на 105-м заводе. Жили вместе дружно, она хорошая девушка, спокойная, она как дочка нам была» [15].

«...Когда ленинградцев эвакуировали, видимо, сразу как-то разместить не могли, у нас жила женщина с двумя ребятами в двухкомнатной квартире. Мы, четверо, значит, жили, в большой, в другой комнате, и она здесь. Она очень хорошо шила, и, в принципе, она нас одевала.... И мы как-то уживались, и все» [14].

Наших собеседники – это возрастная группа 1920–1930-х гг. рождения, к сожалению, стремительно уходящая на наших глазах. Уже на сегодняшний день выявление старожилов-ленинградцев и очевидцев, работавших или встречавшихся с ленинградцами, оказывается очень трудным делом. Однако нас интересует именно это поколение, чье сознательное детство и юность пришлось на 1940-е гг., ставшие одним из базовых десятилетий в формировании меморативных характеристик (образов города) и ментальной топографической карты Новосибирска.

В городской коллективной памяти не так много сюжетов, идентифицирующих и объединяющих горожан, узнаваемых и широко тиражируемых. Среди прославленных персоналий, получивших известность во время войны, стали Александр Иванович Покрышкин и Иван Иванович Маланин, которых, учитывая их место в коллективной городской памяти, можно назвать настоящими народными легендарными героями. Эвакуация ленинградцев стала одним из таких воспроизводимых сюжетов, оставившая в народной памяти ряд имен известных музыкантов и актеров Ленинграда.

Местный Маланин в годы войны находился в Новосибирске постоянно и работал с ленинградцами в знаменитой радиопередаче «Огонь по врагу». *«Эту передачу вели Борисов и Адашевский, будущие народные артисты СССР. Ну, они уже тогда были маститые дядьки. И эта передача шла под аккомпанемент Ивана Ивановича Маланина. [...] И вот, Борисов и Адашевский приехали к нам выступить перед детишками с фрагментами вот этой передачи. А потом – у нас все-таки питание на детской площадке, и вот как сейчас помню, они сидели и улепетывали по большой тарелке рисовой каши, вот эти два корифея искусства отечественного. И много лет я потом вспоминал этот случай, как мы подкормили этих двух актеров»* [8].

Старожилы, пережившие войну уже в сознательном детском или юношеском возрасте, обязательно упоминают сюжеты, так или иначе связанные с эвакуированными. Анализируя эти интервью, можно сформулировать следующую гипотезу. Ленинградцы в целом и ленинградские эвакуированные музыканты в частности, принеся с собой укорененную городскую культуру и опыт культурного потребления, были для молодого города и его жителей, вчерашних выходцев из села, совершенно феноменальным и притягательным явлением. *«Остались только дети, старики, кое-какой рабочий класс, кое-какие крестьяне, кое-какая интеллигенция, чудом уцелевшая в лице инженеров, которых не пересадили и не перерасстреляли. И вот с этой публикой, с этим народом Новосибирск и подошел к началу войны.*

И тут обвал для Новосибирска. Хлынули эвакуированные. И заводы, и искусство, и фабрики, и кино, и еще кого только не было. И они-то, конечно, сильно разнились от сибирского посконного чалдона. Хлынула эта масса, у них менталитет совсем другой. Там же и рабочий класс по-другому выглядел, и фабричные с крупными этими заводами. Я уж не говорю про театр, хотя наши перед войной – театр Красный Факел – были на хорошем уровне. Но все равно это не Александринка. Если у нас эстрада какая-то была, филармония, то все равно, это же не Борис Хенкин, не Смирнов-Сокольский, не Гаркави, не Бен Бенцианов – это великие все конферансье. Не говоря уже о более громких: Аркадий Райкин, Эдди Рознер, Утесов и все прочие. И вот они в культурной жизни Новосибирска мгновенно заняли высшую строчку» [8].

Ленинградцы быстро и органично заняли нишу внепроизводственного времяпрепровождения, имея богатый опыт социокультурной коммуникации, творческого подхода к организации повседневности и городского образа жизни в целом. *«Когда я закончил 8 классов – это был 1941 г., у нас весь класс пошел работать. В это время в конце августа или в начале сентября эвакуируется в Новосибирск Ленинградский театр имени Пушкина. И вот нас четверо пошли туда работать: Володя Эйдельман, Костя Козлов, Валя Черепанов и я. [...] Спектакль закончился, мы еще были на сцене и разбирали декорации. Вдруг заходит большая группа людей, во главе – Юрьев, и рядом с ним секретарь обкома Кулагин. Юрьев вышел на середину сцены и сказал: “Вот здесь на этой сцене 26 лет назад я выступал”. Ему в то время было 69 лет. [...] Он каждое утро приходил в театр, независимо [от того], были ли репетиции. Слева от сцены в коридоре была доска объявлений, он садился на диван и сидел там. Он каждый день приносил разные вещицы, и давал всем посмотреть, при этом рассказывая удивительные истории» [7].*

Частые упоминания старожилов о знакомстве с ленинградцами, о посещениях концертов, спектаклей и выставок свидетельствуют о том, что эта тема прочно вошла в перечень обязательных сюжетов коллективной памяти Новосибирска. Профессиональные музыканты замечали, что творческая деятельность Ленинградского симфонического оркестра во время эвакуации создала культурную атмосферу, позволившую в последующие годы открыть театр оперы и балета, создать консерваторию и симфонический оркестр [5]. *«Здесь выступал симфонический оркестр в Доме культуры им. Сталина, иг-*

рала симфония Шостаковича. Мы понимали и не понимали, но музыка ложилась на душу. Музыка ложится на душу каждого человека, ребенка. Несмотря на то, что мне было 6 лет, я чувствовала важность того события, в котором я жила. Музыка и вообще все, что я слышала в то время, очень сильно сказало на формировании меня как личности» [12].

Среди ленинградцев выделялся музыковед Иван Иванович Соллертинский, читавший сибирякам трехчасовые лекции о культуре, слушать которые приходили по 600 человек. *«Он сопровождал все концерты, которые мне удалось послушать, а именно: четвертая симфония Чайковского, шестая симфония, великолепная пятая с ее торжественным финалом. Он сопровождал, объяснял нам эту музыку. Он рассказывал краткое содержание произведения и более подробно его музыкальную часть. Иван Иванович был влюблен в музыку, он был с очень широкой эрудицией, поэтому мы посещали, я имею в виду всех новосибирцев, всегда концерты с удовольствием. Мы заранее, как только была объявлена продажа, ходили с вечера, чтобы занять очередь на эти концерты. Я считаю, что ленинградцы окультурили город Новосибирск, потому что это был народ совершенно другого типа, чем мы. После войны мы всегда вспоминали, какие были ленинградцы, какая культура, какая вежливость. Приобщение к этой культуре было для нас очень велико. Даже трудно сказать, что мы чувствовали, приходя к ним на концерты: восторг, удовольствие» [10].*

Военные и послевоенные годы для Новосибирска стали беспрецедентным периодом, когда переселенческие потоки окончательно сформировали основу постоянного населения. За годы войны численность города увеличилась с 450 до 610 тыс. человек. За весь межпереписной период 1939–1959 гг. численность населения выросла более чем в два раза в основном за счет именно эвакуированных и беженцев [2, с. 27].

Существенная доля эвакуированных из Ленинграда и других городов, особенно заводских рабочих, остались в Новосибирске. *«Сначала я собирался возвращаться. Мы по сути дела были крепостными, нельзя было уволиться, паспорт даже и тот находился в отделе кадров. В 1945 г. началось возвращение в Ленинград. Принимал директор дважды в неделю по два часа, создавалась очередь человек в триста. Директор подписывал документ, человек увольнялся и уезжал. А я хотел получить материальную помощь и пошел к Лисицыну – директору завода. Мне выделили крой на костюм! Я потом продал этот костюм, и выручил неплохие деньги. А если честно, то мне вскружила голову одна особа, и я не стал возвращаться в Ленинград. До 1946 г. я работал на заводе» [9].*

Оставались из-за разрухи и жилищного дефицита послевоенного Ленинграда, нормативно-правовых ограничений по реэвакуации и возвращению имущества, лучших возможностей производственной карьеры и решения жилищной проблемы, потери семьи и родственников или создания новой семьи в Новосибирске. *«Мне на заводе Коминтерна рассказали – там много было ленинградцев, которые застряли. Многие просили о переводе, уже позже, после войны, но им просто отказывали. А кто-то здесь стал начальником,*

замначальника цеха. А там что, куда, мол, соваться? [...] Некоторые в силу других причин, вроде того, что многие погибли родные, тяжелые воспоминания остались. Причины у каждого были разные» [6].

Обращение к социальному и культурному опыту современников, повышение внимания к исторической памяти отдельного человека, к личным, локальным сюжетам, наполненным подлинными эмоциями и общечеловеческими ценностями, обозначают актуальность сбора устных свидетельств уходящей эпохи. А некоторые аспекты пребывания эвакуированных в Новосибирске могут быть освещены исключительно благодаря частным воспоминаниям.

1. История промышленности Новосибирска. Т. 3. Второй фронт (1941–1945). – Новосибирск : Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2004. – 640 с.

2. Кисельников А. А. Население города Новосибирска / А. А. Кисельников, Г. А. Бессонова, Л. П. Харченко ; под ред. А. А. Кисельникова. – Новосибирск, 2007. – 416 с.

3. Музыкальная культура Новосибирска. – Новосибирск : Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки, 2005. – 684 с.

4. Савицкий И. М. Создание в Новосибирске крупнейшего в Сибири центра оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Местное самоуправление и стратегия устойчивого развития крупного города : материалы Междунар. науч.-прак. конф. 27–29 янв. 2004 г., Новосибирск / Мэрия г. Новосибирска, Новосиб. ин-т информатики и регионального управления ; под ред. В. М. Чистякова. – Новосибирск, 2004. – 560 с.

5. Федоров Е. Е. Ленинградский симфонический оркестр в Новосибирске в годы войны // ЛИterra: литературно-художественная антология культурной жизни Сибири [Электронный ресурс]. – URL: http://literra.websib.ru/literature/liter_page.htm?13 (дата обращения: 01.12.2012).

6. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Антипенко Борис Николаевич. 1938 г. р. Ведущий инженер-специалист.

7. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Дементьев Михаил Николаевич. 1925 г. р. Врач-терапевт.

8. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Ельский Эдуард Ипполитович. 1928 г. р. Инженер-проектировщик.

9. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Каптаренко Александр Александрович. 1912 г. р. Ведущий инженер-специалист.

10. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Клепикова Вера Васильевна, 1918 г. р. Врач-педиатр.

11. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Ковешников Дмитрий Иосифович. 1929 г. р. Рабочий-сборщик.

12. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Ложкина Идея Тимофеевна, 1936 г. р. Сотрудник научно-исследовательского института, галерист, коллекционер.

13. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Михайлова Виктория Константиновна. 1931 г. р. Инженер-архитектор.

14. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Степанова Сталина Дмитриевна. 1937 г. р. Специалист по кадрам.

15. Центр устной истории Музея города Новосибирска. Архив интервью. Томина Анна Дмитриевна. 1921 г. р. Рабочая-сборщица.

«These People Were Completely Different»: the Evacuated Leningraders in the Folk-Memory of Novosibirsk (Oral Sources)

E. V. Antropov

Novosibirsk Municipal Museum, Novosibirsk

The article is based on oral sources related to the historical memory of the old-timers of Novosibirsk about evacuated people from the European part of Russia to Siberia during the WWII. It discusses the possibility of using of oral sources in the studies of local historical processes, and introduces new oral historical material.

Key words: evacuation, city residents, Leningraders, culture, old-timers, memory, everyday life, city.

Антропов Евгений Владимирович – руководитель Центра устной истории Музея города Новосибирска, заместитель отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, тел. 8(383)3301140, e-mail: evantropov@yandex.ru

Antropov Evgeny Vladimirovich – Head of the Center of oral history Museum of Novosibirsk, part-time worker of the Department of Ethnography of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 630090, Novosibirsk, Akademik Lavrentyev Avenue, 17, phone 8(383)3301140, e-mail: evantropov@yandex.ru